

Роберт Л.
ХАЙЛБРОНЕР

Философы
от мира сего

PHILOSOPHY

Роберт Хайлбронер
Философы от мира сего

«Издательство АСТ»

1953-2000

УДК 330.8
ББК 65.02

Хайлбронер Р. Л.

Философы от мира сего / Р. Л. Хайлбронер — «Издательство АСТ», 1953-2000

ISBN 978-5-17-099270-6

Когда в 2005 году скончался Роберт Хайлбронер, некрологи сообщали о смерти известного американского экономиста и социолога. Но миллионы благодарных читателей по всему миру знали его прежде всего как автора «Философов от мира сего» – удивительного повествования о судьбах и идеях титанов экономической мысли. Удивительного еще и потому, что общий тираж книги Хайлбронера составил несколько миллионов экземпляров, наглядно опровергнув миф о том, что экономика является мрачной и неинтересной наукой. На страницах «Философов» великие теории соседствуют с описанием причудливых выходов их авторов; казавшиеся персонажами исторических трудов фигуры обретают свои неповторимые очертания. Вечно рассеянный Адам Смит и ворчливый Карл Маркс, блистательные Давид Рикардо и Джон Мейнард Кейнс изменили наш мир, и рассказ о них вряд ли оставит равнодушными как студентов, так и тех, кто всю жизнь хотел узнать об экономике побольше, но боялся заглянуть в толстенные, напичканные формулами тома.

УДК 330.8

ББК 65.02

ISBN 978-5-17-099270-6

© Хайлбронер Р. Л., 1953-2000

© Издательство АСТ, 1953-2000

Содержание

Предисловие к седьмому изданию	6
Введение	9
Глава 1	12
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роберт Л. Хайлбронер

Философы от мира сего

Великие экономические

мыслители: их жизнь, эпоха и идеи

Моим учителям

Предисловие к седьмому изданию

Перед вами седьмое издание книги, впервые вышедшей в свет в 1953 году. Получается, что сегодня «Философы от мира сего» гораздо старше, чем был я сам во время работы над текстом. Учитывая совершенно удивительную живучесть этой авантюры, предпринятой еще в годы моего студенчества, я позволю себе кратко изложить историю появления книги на свет, после чего перейду к важным изменениям, сделанным специально для этого новейшего и, надо думать, последнего переиздания.

В начале 1950-х годов я учился в аспирантуре и зарабатывал на жизнь публикациями в различных изданиях, причем при необходимости или удобном случае отходил от экономической тематики. Прочитав один из моих текстов, Джозеф Барнс, тогда бывший старшим редактором в издательстве «Simon amp; Schuster», пригласил меня перекусить, а заодно и обсудить возможные темы для книги. Ни одно из моих предложений не было выдающимся. Когда принесли салат, я понял: первый обед с издателем не принесет мне контракта на публикацию книги. Но Барнса было не так-то просто сбить с толку. В ответ на его вопрос о занятиях в Новой школе социальных исследований я начал вздох описывать работу замечательного семинара под руководством неподражаемого Адольфа Лоу, о котором читатель узнает в дальнейшем подробнее. Так я нашел свой предмет – это стало ясно нам обоим раньше, чем официанты успели принести десерт. Сразу по окончании следующего занятия я поспешил поведать профессору Лоу о своем решении: я собирался написать историю развития экономической мысли.

Лоу – типичный представитель породы настоящих немецких ученых – пришел в ужас. «Вы этого сделать не сможете!» – объявил он таким тоном, что сомнений в его правоте не оставалось. Но я-то был абсолютно убежден, что на самом деле очень даже смогу – как я уже писал в другом месте, это чувство было удивительным порождением той смеси самоуверенности и самообмана, что является отличительным признаком аспирантов. Находя время между написанием текстов для разных журналов и учебной работой, я произвел на свет первые три главы и не без опаски показал их профессору Лоу. Надо отдать должное этому великому человеку (он оставался моим самым благожелательным критиком вплоть до самого конца – а умер он в 102 года), – завершив чтение, он сказал: «Вы должны это сделать!» Чем я – с его помощью – и занялся.

Когда книга была уже готова, возникла необходимость как-то ее назвать. Я прекрасно понимал, что слово «экономика» на обложке сразу отпугнет потенциальных покупателей, и отчаянно перебирал альтернативные варианты. Пока я мучился сомнениями, состоялся второй судьбоносный обед, на этот раз с Фредериком Льюисом Алленом. Аллен был главным редактором журнала «Харперз», с которым я регулярно сотрудничал, и его необыкновенную доброту по отношению ко мне вкупе с желанием помочь я никогда не забуду. Я мимоходом упомянул о своих трудностях и добавил, что думаю, не назвать ли книгу «Философы денег»,

хотя и чувствую, что «деньги» – не совсем то, что надо. «Ты хотел сказать, «Философы от мира сего», – поправил меня Аллен. «За обед плачу я», – был мой ответ.

Издатели были довольны куда меньше моего и уже после того, как книга, к их вящему изумлению, начала хорошо расходиться, предложили переименовать ее в «Великих экономистов». К счастью, название осталось прежним. Вероятно, ими двигали сомнения в способности покупателей переварить слова «от мира сего» (действительно, в тысячах студенческих работ это выражение было так или иначе искажено). А может быть, они предвидели трудности вроде той, о которой я узнал лишь много лет спустя. Зашедший в книжную лавку своего колледжа студент желал найти одну книгу. Имя автора вылетело из головы молодого человека, но, если память ему не изменяет, она называлась «Лобстеры от моря сего».

Прошли годы, и тираж «Философов от мира сего» превысил самые смелые ожидания. Утверждается, что книга заставила тысячи ни о чем не подозревавших жертв выбрать для изучения курс экономики. Я не готов взять на себя ответственность за все причиненные им страдания, но был чрезвычайно рад слышать от многих экономистов, что именно моя книга впервые возбудила в них интерес к предмету их нынешнего увлечения.

Новое издание отличается от всех предыдущих по двум параметрам. Во-первых, как и раньше, свежий взгляд на собственный текст позволил мне отловить ошибки, неизбежно возникающие на стадии рукописи или ставшие очевидными в результате недавних исследований в данной области. Я также воспользовался шансом изменить расстановку акцентов с тем, чтобы отразить развитие моих взглядов на те или иные вопросы. Сами по себе эти изменения довольно несущественны и скорее всего будут замечены лишь специалистами. Их значение не настолько велико, чтобы потребовать нового издания. А вот другое изменение очень и очень важно. В течение долгого времени я размышлял над тем, не вредит ли моей книге отсутствие сквозной темы, нельзя ли связать отдельные главы более убедительным образом, опираясь не только на хронологическую последовательность появления замечательных людей и их интересных идей. Наконец, несколько лет назад я утвердился во мнении, что таким связующим звеном должна стать смена концепций, или «видений», лежавших в основе анализа великими умами прошлого функционирования нашего общества. В середине XX века похожая идея занимала воображение Йозефа Шумпетера, одного из самых изобретательных философов от мира сего. До недавних пор я даже не задумывался о подобном подходе к предмету. Возможно, тот факт, что сам Шумпетер по той или иной причине не использовал свою находку при исследовании истории экономической мысли, может служить оправданием и мне.

Я не буду пускаться в обсуждение нового взгляда на эволюцию философии от мира сего непосредственно в предисловии – точно так же автор детективов не объявляет имя убийцы на первых страницах книги. По ходу нашего рассказа речь не один раз будет заходить о роли мировоззрения отдельных людей, но только добравшись до последней главы, мы сможем как следует обсудить актуальность такого подхода для нашего времени.

В связи с чем я хотел бы сделать последнее замечание. Уже заглянувший в оглавление читатель мог с недоумением обнаружить, что завершающая глава называется так: «Конец философии от мира сего?» Вопросительный знак указывает на то, что речь не идет о мрачном прогнозе, но также и гарантирует, что изменений в характере предмета нашего изучения не избежать. О возможных вариантах подобных изменений мы поговорим в заключительной части книги, о чем я здесь упоминаю вовсе не для того, чтобы разжечь интерес читателя. Дело в том, что лишь в конце пути, иными словами – сегодня, эти изменения оказывают существенное влияние на предмет и значение экономической мысли как таковой.

Но не будем забегать вперед. Позвольте мне напоследок поблагодарить моих читателей, в особенности студентов и преподавателей, которые изучали книгу настолько вдумчиво, что прислали множество писем с дополнениями и исправлениями, а также с выражением поддержки или несогласия. И то и другое для меня одинаково ценно. Я надеюсь, что «Философы от мира

сего» продолжают служить билетом в захватывающий мир экономики для тех, кто впоследствии станет издавать книги или ловить лобстеров, а также для отдельных храбрецов, которые отважатся вступить в ряды экономистов.

*Роберт Л. Хайлбронер Нью-Йорк, штат Нью-Йорк
Июль 1998 г.*

Введение

Эта книга посвящена горстке людей, слава которых странного рода. С точки зрения школьных учебников истории, они были никем: не командовали армиями, не посылали людей на смерть, не правили империями и редко участвовали в принятии решений, влиявших на ход истории. Часть из них достигла определенной известности, но никто не стал национальным героем; некоторые подвергались открытым нападкам, но ни один не считался врагом государства. И все же то, чем они занимались, зачастую оказывалось важнее для истории, чем деяния гревшихся в лучах славы государственных деятелей, потрясало мир сильнее, чем переходы огромных армий через границы, приносило больше благ и несчастий, чем королевские указы и законы.

Дело в том, что владеющий умами людей обладает властью большей, чем ее способен дать меч или скипетр: именно поэтому наши герои определяли очертания мира и управляли им. Мало кто из них пошевелил ради этого хоть пальцем; в основном они были учеными и работали тихо и неприметно, вряд ли интересуясь мнением окружающих о себе. Из-за них погибали целые империи и уничтожались континенты; они то обрушивали, то собственными силами поддерживали политические режимы; по их велению класс восставал против класса, народ – против народа; и все происходило не вследствие коварности их планов, но из-за потрясающей силы их идей.

Кем были эти люди? Мы называем их Великими Экономистами. Но, как это ни странно, о них самих мы знаем очень мало. Казалось бы, в мире, постоянно сотрясаемом экономическими неурядицами, то с волнением, то с интересом обсуждающем экономические вопросы, великие экономисты должны быть известны не менее, чем, скажем, великие философы или государственные деятели. На самом деле они кажутся всего лишь тенями из прошлого, а так волновавшие их темы, некогда вызывавшие бурное обсуждение, сегодня удастаиваются лишь сдержанного благоговения. Говорят, что экономика, вне всяких сомнений, наука важная, но сложная и не слишком увлекательная, так что пусть лучше ею занимаются те, кто чувствует себя как дома в малодоступных сферах мысли.

Подобное мнение ужасно далеко от истины. Человек, думающий, будто изучение экономики – удел профессоров, забывает, что именно она послала людей на баррикады. Тот, кто заглянул в учебник и решил, что экономика скучна, напоминает человека, прочитавшего введение в логику и заключившего, что война – унылый предмет для изучения.

Нет, экономисты вели исследование, увлекательнее – и опаснее – которого мир вряд ли видел. Идеи, с которыми они имели дело, в отличие от идей великих философов, играли заметную роль в нашей повседневной жизни; казавшиеся им нужными эксперименты не могли быть проведены в тиши лаборатории. Теории великих экономистов потрясали мир – а их ошибки оказывались для него гибельными.

Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать, – писал лорд Кейнс, сам великий экономист. – В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен,

что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей.¹

Что и говорить, не все экономисты были титанами мысли. Тысячи оставили после себя тексты, зачастую бывшие памятниками скуке; многие исследовали мало значимые мелочи с уровнем средневековых ученых. И если сегодня экономике недостает блеска, если экономисты уже не ощущают себя участниками увлекательного приключения, то винить можно лишь их самих. По-настоящему выдающиеся экономисты не были учеными педантами. Предметом своего изучения они считали целый мир и пытались уловить самые разные его настроения, рисуя его злым, отчаянным, надеющимся. Превращение их еретических мнений в образец здравого смысла вкупе с их же обличением «здравого смысла» как набора предрассудков были важнейшими элементами при строительстве интеллектуального здания современной жизни.

Более необычную группу, участники которой меньше походили бы на тех, кому суждено изменить мир, трудно себе представить.

Среди них были философ и сумасшедший, священнослужитель и брокер, революционер и аристократ, эстет, скептик и бродяга. Они принадлежали к разным народам, занимали разные общественные положения, обладали непохожими характерами. Некоторые из них были интереснейшими людьми, другие – занудами; одни обладали редким обаянием, а кого-то с трудом можно было выносить. По меньшей мере трое сколотили себе состояние, но еще больше было таких, кто так и не смог овладеть элементарной экономикой собственных расходов. Двое были знаменитыми предпринимателями, один не сумел подняться выше коммивояжера, а другой позволил своему богатству утечь сквозь пальцы.

Взгляды этих людей на окружающий мир различались чуть ли не сильнее, чем общественное положение, – более пеструю группу мыслителей надо еще поискать. Один слыл убежденным защитником прав женщин; другой утверждал, что женщины очевидно неполноценны в сравнении с мужчинами. Один считал, что «джентльмены» были всего лишь варварами, надевшими маски, в то время как другой полагал, что любой, не являющийся джентльменом, – дикарь. Тот, кто был очень богат, настаивал на уничтожении богатых как класса; другой – довольно бедный – осуждал благотворительность. Некоторые из них говорили, что наш мир, несмотря на все его недостатки, – лучший из всех возможных; другие посвятили свою жизнь доказательству обратного.

Все они писали книги, но библиотека из них получилась бы весьма необычная. Один или двое написали бестселлеры, которыми зачитывались даже в отдаленных уголках Азии, а кое-кому приходилось платить, чтобы их малопонятные работы, обращенные к строго ограниченной аудитории, были опубликованы. Несколько человек писали так, что сердца миллионов по всему миру бились быстрее, проза других – не менее значимых для хода истории – лишь затуманивала мозги.

Итак, объединяли их не личные свойства, не схожие карьеры, не предубеждения и даже не идеи. Общим знаменателем было кое-что другое – любопытство. Всех их завораживал окружающий мир, его сложность и мнимая беспорядочность, жестокость, которая в этом мире очень часто скрывается под маской лицемерия, и успех, не менее часто остающийся незамеченным. Каждый был глубоко увлечен поведением человека, сначала создававшего материальное богатство, а потом готового за частичку его вцепиться в глотку соседу.

Таким образом, их можно назвать философами от мира сего, ведь каждый стремился построить философскую систему, объясняющую наиболее приземленное из человеческих желаний – погоню за богатством. Наверное, это не самый элегантный род философии, но

¹ John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (New York: Harcourt, Brace & World, 1964), p. 383. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – прим. автора.) (Здесь и далее русский перевод цитируется по изданию: *Кейнс Джон Мейнارد*. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2007.)

уж точно гораздо более интригующий и важный, чем все остальные. Кому придет в голову пытаться обнаружить Порядок и План в бедняцком быте или в поведении спекулянта, затаившего дыхание в предчувствии краха, или искать Последовательные Законы и Принципы в марширующей по улице толпе и в улыбке, которой зеленщик одаряет своих покупателей? Но все же великие философы искренне верили, что эти на первый взгляд не имеющие ничего общего лоскутки можно сшить в целое одеяло, что на достаточном расстоянии своевольное бурление мира похоже на последовательное продвижение вперед, а суматоха и суета – на гармонию.

Да уж, кажется, что речь идет о слепой вере – и только! И, несмотря на это, их взгляды оказались во многом оправданы историей. Стоило экономистам раскрыть перед современниками свои модели, как бедняк и спекулянт, зеленщик и толпа перестали быть бессвязно играющими актерами, случайно вытолкнутыми на сцену вместе; каждый исполнял роль, более или менее положительную, но абсолютно необходимую для развития спектакля, охватывающего все человечество. То, что раньше выглядело всего лишь будничным или хаотичным миром, на проверку оказалось упорядоченным обществом с вполне осмысленной историей.

Поиск именно такого порядка и такой осмысленности лежит в сердце экономической науки. Отсюда и главная тема моей книги. Мы не станем читать цикл лекций о принципах науки, а отправимся в путешествие по влиявшим на нашу историю идеям. На пути нам встретятся не только педагоги, но и многочисленные бедняки, спекулянты, ликующие и разоренные, разноликие толпы, и даже – хотя бы мельком – те самые зеленщики. Мы вернемся назад, чтобы обнаружить корни нашего общества в беспорядочном сплетении общественных структур, в котором великие экономисты пытались обнаружить закономерность и гармонию. Одновременно мы познакомимся и с самими великими экономистами; дело не только в том, что зачастую мы будем иметь дело с яркими фигурами, – просто на очень многих идеях хорошо заметен глубокий отпечаток личности их авторов.

Было бы весьма удобно начать с первого из великих – Адама Смита. Но Адам Смит жил во времена американской революции, и нам придется поломать голову над озадачивающим фактом: история человечества писалась на протяжении шести тысячелетий, но нет ни одного философа от мира сего, который творил бы в то время. Действительно странно: человечество начало сталкиваться с экономическими проблемами задолго до эпохи фараонов, и на сцену успело выйти бесчисленное количество философов, множество ученых, политических мыслителей, историков и художников, тысячи государственных деятелей. Почему же мы не знаем ни одного экономиста? Нам понадобится целая глава, чтобы ответить на этот вопрос. Пока мы не исследуем природу мира, существовавшего раньше и гораздо дольше нашего, – мира, в котором само наличие экономистов было бы не только необязательно, но и невозможно, – мы не сможем подготовить почву для появления великих экономистов. Главным образом мы будем говорить о людях, живших в течение последних трех столетий. Прежде чем начать разговор, необходимо понять мир, который предшествовал их приходу, и увидеть, как, несмотря на все потрясения и взрывы, свойственные крупным революциям, старый мир дал рождение новой эпохе – эпохе экономистов.

Глава 1

Экономическая революция

Стоило человеку слезть с дерева, как перед ним – не индивидом, а членом социальной группы – встала проблема выживания. С одной стороны, человечество существует и по сей день, а значит, он достиг успеха при решении этой проблемы. С другой – постоянное присутствие нищеты и страданий даже в самых богатых странах заставляет предположить, что найденное решение было неполным.

Но вряд ли человека стоит судить слишком строго за то, что он не смог построить рай на земле. Выжать из этой планеты средства к существованию не так-то просто. Надо обладать богатым воображением, чтобы представить, сколько усилий пришлось потратить, прежде чем человек впервые приручил животное, обнаружил, что семена можно сажать, и начал добывать руду. Возможно, мы выжили лишь по одной причине: мы очень хорошо приспособлены к сотрудничеству внутри социальной группы.

Именно потому, что мы зависим от своих собратьев, вопрос выживания всегда стоял особенно остро. Человек – не муравей, при рождении получающий удобный набор инстинктов для поведения в обществе. Напротив, наша эгоцентричная натура дает знать о себе уже с первого дня жизни. И если физически он относительно слаб и ищет взаимодействия с другими, то внутренний импульс постоянно толкает человека к нарушению партнерских отношений.

В примитивных сообществах исход борьбы между своекорыстием и взаимодействием определяется средой; если все сообщество окажется на пороге голодной смерти – как это произошло с эскимосами, – элементарная потребность в самосохранении заставит каждого выполнять ежедневные задания, кооперируясь с окружающими. Как утверждают антропологи, в менее жестких условиях мужчины и женщины выполняют будничные дела в соответствии с общепризнанными нормами родства и взаимности: в своей прекрасной книге об африканских бушменах Элизабет Маршалл Томас² описывает, как антилопа распределяется между родственниками, затем между родственниками родственников и так далее, пока «каждый получит не больше, чем все остальные». В обществах развитых не хватает именно этого осязаемого влияния среды, или сети общественных обязательств. Когда мужчины и женщины прекращают совместно выполнять задания, от которых непосредственно зависит их выживание, когда добрые две трети населения живут, не прикасаясь к земле, не представляя себе работы на шахте и вообще ручного труда, и ни разу в жизни не входили на территорию фабрики, когда значение родственных уз падает чуть не до нуля, – выживание человечества кажется невероятным подвигом всего общества.

До такой степени невероятным, что существование этого общества каждый день висит на волоске. Сегодня мы находимся в зависимости от бесчисленного множества опасностей: наши фермеры могут посеять недостаточно, чтобы собрать необходимый урожай; если машинистам вдруг взбредет в голову стать бухгалтерами, а бухгалтеры решат управлять поездами, если слишком немногие решат стать шахтерами, металлургами или кандидатами на соискание степени доктора технических наук – короче говоря, если обществу не удастся выполнить любое из тысяч взаимосвязанных заданий, жизнь очень скоро скатится в неконтролируемый хаос. Угроза распада висит над нашим обществом каждый день – и виной тому не губительные силы природы, а людская непредсказуемость.

² Elizabeth Marshall Thomas, *The Harmless People* (New York: Vintage, 1958), p. 50.

За многие столетия своей истории человечество открыло лишь три способа защиты от этой напасти.

Сохранность общества можно обеспечить, связав его существование с набором традиций, когда каждое следующее поколение решает разнообразные бытовые проблемы так же, как это делали их отцы, – так формируется преемственность. По словам Адама Смита, в Древнем Египте «религиозные нормы обязывали каждого мужчину заниматься тем же делом, что и его отец, и отступление от этого порядка считалось чудовищным кощунством».³ Схожим образом до недавних пор в Индии некоторые профессии закреплялись за людьми из определенных каст; на самом деле в большинстве стран со слабо развитой промышленностью социальные обязанности человека известны уже при его рождении.

Есть и иной способ решения проблемы. Чтобы гарантировать выполнение всех необходимых заданий, общество может прибегнуть к кнуту авторитарного правления. Знаменитые египетские пирамиды были построены не потому, что некий предприимчивый подрядчик решил возвести их, а советские пятилетки не являлись результатом богатых традиций взаимопомощи или преследования каждым индивидом своих целей. И Советская Россия, и Древний Египет – это командные общества; если оставить в стороне политический аспект, их экономическое выживание обеспечивалось указами, спускавшимися сверху, и жестокими наказаниями за их неисполнение.

В течение многих столетий человек решал проблему выживания одним из двух приведенных выше способов. И пока все проблемы решались по традиции или в соответствии с приказами сверху, не могло быть и речи об отдельной области знаний, именуемой «экономикой». Существовавшие общества были ошеломляюще разнообразны с экономической точки зрения. Одни возвышали королей, а другие – комиссаров; в одних деньгами служила вяленая треска, а в других – валуны, которые нельзя было сдвинуть с места; где-то продукты распределялись элементарными коммунистическими методами, а где-то – посредством сложнейших ритуалов, но поскольку все общества функционировали по традиции или по приказам, ни одно не нуждалось в экономистах для объяснения своей сущности. Им были нужны теологи, политические мыслители, государственные деятели, философы, историки – но, как ни странно, не экономисты.

Экономистам пришлось ждать до тех пор, пока не был изобретен третий способ борьбы за выживание. Пока не возникла потрясающая воображение система, при которой общество гарантирует непрерывность своего существования, позволяя каждому индивиду делать то, что ему кажется верным, – при условии, что он или она руководствуется главным и общим для всех правилом. Эта система получила название «рыночной», а правило было предательски простым: каждый должен поступать так, чтобы максимально увеличить свое богатство. Именно манящая выгода, а не бремя традиции или кнут властителя заставляет большинство людей заниматься тем или иным делом при рыночной системе. Хотя каждый из них был абсолютно свободен в выборе пути, взаимодействие отдельных людей привело к выполнению обязательных для общества заданий.

Это парадоксальное, тонкое и трудное решение проблемы выживания предопределило появление экономистов. Когда жизнь идет не по традиции и не по команде, совершенно неочевидно, что общество, каждый член которого стремится лишь к собственной выгоде, будет успешным и вообще выживет. Стоило традициям и приказам утратить силу, как исчезла и гарантия, что общество решит все свои проблемы и выполнит все задания, от наиболее грязных до самых непильных. Общество может избавиться от гнета тирана, но кто теперь будет указывать, как ему жить?

³ Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (New York: Modern Library, 1937), p. 62. (Здесь и далее русский перевод цитируется по изданию: Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.)

Эту роль взяли на себя экономисты. Их задача была тем труднее, что они не могли приступить к ее решению до тех пор, пока сама рыночная система не завоевала достаточного доверия к себе. Еще несколько сотен лет назад идея рынка зачастую встречалась с сомнением, густо замешенном на неприязни. На протяжении многих веков мир привычно катился по колее традиции и плана; принесение стабильности в жертву неоднозначным и непроверенным рыночным механизмам требовало по меньшей мере революции.

С точки зрения оформления нашего общества в его современном виде, этой революции не было равных по значимости – она имела куда более серьезные последствия, чем французская, американская и даже русская революции. Чтобы по достоинству оценить ее масштабы и то влияние, что она оказала на общество, нам необходимо погрузиться в древний и уже полузабытый мир, из которого в итоге появился мир сегодняшний. Только тогда мы поймем, почему экономистам пришлось ждать так долго.

Первая остановка: Франция, 1305 год.⁴

В разгаре ярмарка. Прибывшие еще утром в сопровождении вооруженной охраны купцы разбили пестрые шатры и ведут между собой бойкую торговлю, не забывая и о местных жителях. Чего тут только не купишь: шелк и тафту, специи и духи, кожу и меха... Часть товаров прибыла из Леванта, часть – из Скандинавии, а иные купцы проехали всего несколько сотен миль. Помимо простого люда, по шатрам прогуливаются землевладельцы с женами, отчаянно пытающиеся расцветить свою унылую жизнь. Вместе с причудливыми аравийскими товарами они жадно впитывают новые слова из далеких восточных земель: диван, сироп, тариф, артишок, шпинат.

Внутри самих шатров нас ожидает странное зрелище. Журналы торговли лежат на столах в раскрытом виде и часто представляют собой не более чем собрание записей о сделках; так, один из купцов отметил следующее: «Человек из Витсунтайда остался должен десять гульденов. Его имени не помню».⁵ Подсчеты производятся по большей части в римских цифрах, так что ошибки нередки; тайны деления в столбик открыты далеко не всем, да и функции нуля еще толком не изучены. И хотя выставленные товары пленяют взор, а посетители явно возбуждены, сама ярмарка остается крошечной. Общего количества товаров, ежегодно попадающих во Францию через перевал Сен-Готар⁶ (первый в истории подвесной мост), не хватит, чтобы наполнить современный товарный поезд; объем перевозимого великим венецианским торговым флотом груза недостаточен, чтобы заполнить сегодняшний грузовой корабль.

Наша следующая остановка: Германия, 1550-е годы. Бородатый, облаченный в меха купец Андреас Рифф возвращается к себе домой в Баден; в письме к жене он сообщает, что успел побывать на тридцати рынках и ему здорово досаждают стершееся седло. Еще больше ему мешают пошлины – бич того времени: на пути купца останавливают почти каждые десять миль и требуют уплатить пошлину; между Базелем и Кельном это происходит тридцать один раз.

Мало того – каждая община, которую он посещает, обладает своими деньгами, правилами и регуляциями, своими законами и порядками. Только в окрестностях Базеля насчитывается 112 различных мер длины, 92 меры площади, 65 мер сыпучих тел, 163 меры емкости для злаков и 123 – для жидких веществ, 63 – для напитков и более 80 мер веса.

Наша экскурсия продолжается. Дело происходит в Бостоне, на дворе 1639 год.⁷

Мы станем свидетелями судебного процесса. Некто Роберт Кейн, «давний проповедник Евангелия, человек высокого происхождения, обеспеченный и бездетный, по велению

⁴ См.: Henri Pirenne., *Economic and Social History of Medieval Europe* (New York: Harcourt, Brace: n. d.), p. 102–103, 145.

⁵ Mariam Beard, *A History of the Business Man* (New York: Macmillan, 1938), p. 83.

⁶ См.: Pirenne, *op. cit.*, p. 35, n. 1.

⁷ См.: John Winthrop, *Winthrop's Journal* (New York: Charles Scribner's Sons, 1908), vol. 1, p. 315–317.

совести приехавший благовествовать о Христе», обвиняется в ужасном преступлении: он получил более шести пенсов прибыли с одного шиллинга – возмутительное вознаграждение! Суд решает, должно ли отлучить грешника от церкви, но ввиду его безупречного прошлого в итоге смягчается и отпускает его со штрафом в двести фунтов. Несчастный господин Кейн столь потрясен, что публично «со слезами признает свою порочность и алчность». Разумеется, главный священник Бостона не мог упустить столь удачную возможность с пользой употребить этот пример сбившегося с пути грешника и в воскресной проповеди, ссылаясь на жадность Кейна, обрушивается на негодные принципы торговли. Среди них и такие:

- 1. Человек может продавать по произвольно высокой цене и покупать так дешево, как только сумеет.*
- 2. Если человек теряет в море или по любой иной причине часть своего товара, то он может поднять цену оставшейся части.*
- 3. Человек может продавать по той же цене, что купил, даже если он заплатил очень много...*

Все это порочно, от начала до конца порочно, надрывается священник; искать выгоды ради выгоды – значит оказаться во власти страшного греха: алчности.

Итак, мы возвращаемся в Англию и Францию.

В Англии составлен устав крупной торговой организации, Компании путешествующих купцов; среди прочего он указывает на нормы поведения: запрещены ругань, перепалки между членами Компании, игра в карты, содержание охотничьих собак. Никто не должен нести по улице неприглядные узлы. Деловое предприятие получается странноватое, больше похожее на братство со своим особым уставом.

Текстильное производство Франции в последнее время проявляло куда больше самостоятельности, чем ему положено, и в 1666 году было обнародовано распоряжение Кольбера,⁸ призванное положить конец этой опасной и разрушительной тенденции. Отныне ткани, производимые в Дижоне и Селанжи, должны состоять из 1408 нитей, включая кайму, – не больше, но и не меньше. В Осере, Авалоне и двух других городах-производителях число нитей должно равняться 1376; ткачи Шатильона должны иметь в виду число 1216. Любая ткань, не соответствующая стандартам, будет пригвождена к позорному столбу. Случись такое трижды, к позорному столбу отправится торговец.

Эти пестрые фрагменты давно ушедших эпох кое-что объединяет. Во-первых, идея пристойности (не говоря уже о необходимости) системы, основанной на личной выгоде, еще не укоренилась в умах людей. Во-вторых, отдельный, самостоятельный экономический мир еще не вырвался из социального контекста своего времени. Мир практических сделок до сих пор неразрывно связан с миром нашей политической, общественной и религиозной жизни. Лишь после того, как они окончательно разъединятся, жизнь человека станет представлять собой более-менее привычную для нас картину. Это разъединение не досталось нам даром – за него велась очень долгая и изнурительная борьба.

Кому-то наверняка покажется странным тот факт, что концепция выгоды сравнительно нова; с детства мы привыкли к тому, что каждому человеку свойственно стремление к богатству, дай ему волю – и он будет вести себя не хуже любого уважающего себя бизнесмена. Мотив получения прибыли, говорят нам, стар, как само человечество.

⁸ Жан Батист Кольбер (1619–1683) – генеральный контролер (министр) финансов Франции с 1665 г. Экономическая политика Кольбера (так называемый кольбертизм) – одна из разновидностей меркантилизма. Кольбер добивался роста государственного дохода главным образом созданием крупных мануфактур, увеличением вывоза и сокращением ввоза промышленных изделий. (Прим. перев.)

Это не так. В той форме, в которой он известен нам, мотив получения прибыли появился не раньше, чем «современный человек». Даже сегодня идея извлечения выгоды исключительно ради выгоды чужда большой доле населения земного шара, не в последнюю очередь потому, что на протяжении многих и многих веков этой идеи просто-напросто не существовало. Сэр Уильям Петти⁹ – потрясающий персонаж из XVII века, в течение своей жизни успевший побыть юнгой, сокольником, врачом, профессором музыки, а также основать школу Политической арифметики, – утверждал, что при высоких зарплатах «рабочую силу трудно найти, столь безнравственны те, кто работает лишь затем, чтобы есть или, скорее, пить». Сэр Уильям не просто выражал буржуазные предрассудки своего времени. Он обращал наше внимание на свойство, до сих пор присущее обществам со слабо развитой промышленностью: неквалифицированные рабочие, не привыкшие к наемному труду, в заводской обстановке чувствуют себя неуютно и не воспринимают постоянно возрастающее качество жизни как нечто само собой разумеющееся. Если зарплата внезапно поднимется, то они не станут работать усерднее, а предпочтут больше отдыхать. Идея, согласно которой каждый работник не только может, но и должен постоянно стремиться улучшить свое материальное благополучие, была по большей части незнакома многочисленным представителям нижних и средних слоев египетского, греческого, римского и средневекового обществ и начала проникать в сознание отдельных людей лишь в эпоху Ренессанса и Реформации. Почти во всех восточных культурах она отсутствует как таковая. Неотъемлемой характеристикой нашего общества эта идея стала настолько же недавно, как, скажем, книгопечатание.

Концепция выгоды не только не столь распространена, как нам кажется, – с момента получения одобрения ее обществом, да и то неполного, прошло совсем немного времени. В Средние века церковь учила, что христианин не должен заниматься торговлей; в основе подобного учения лежало убеждение, что торговцы, подобно дрожжам, создают нежелательное брожение в головах. Во времена Шекспира главной задачей обычных людей, а на самом деле и всех, за исключением знати, было не улучшение своего положения, но поддержание его на определенном уровне. Даже для первых американских колонистов сама идея о том, что преследование собственной выгоды можно считать заслуживающей право на существование или даже мало-мальски полезной целью в жизни, казалась измышлением дьявола.

Разумеется, богатство существовало всегда, да и алчность сопровождает человечество еще с библейских времен. Но исключительно важно различать зависть, вызываемую богатством сильных мира сего, и стремление к улучшению своего достатка, когда оно пронизывает все общество снизу доверху. Путешествующие торговцы появились никак не позже финикийских мореплавателей; их следы протянулись по всей истории: от римских спекулянтов, через предприимчивых венецианцев и купцов Ганзы, к великим первооткрывателям из Испании и Португалии, для которых поиск пути в Индию означал и движение к личному обогащению. Но приключения немногих – это совсем не то, что преобразование всего общества, охваченного духом предпринимательства.

В качестве иллюстрации рассмотрим поразительное семейство Фуггеров,¹⁰ знаменитых немецких банкиров XVI века. На пике своего могущества Фуггеры обладали золотыми и серебряными рудниками, торговыми концессиями и даже правом чеканить собственные деньги; состояния королей и императоров, чьи расходы на войны (и самих себя) Фуггеры финансировали, могли показаться им смешными. Но когда стоявший во главе дома Антон Фуггер умер, его старший племянник Ганс Якоб отказался взять управление семейным делом на себя на том основании, что на финансовые дела и личные заботы времени у него не хватит; Георг – брат Ганса Якоба – сказал, что предпочитает жить мирно; третий племянник, Кристофер, проявил

⁹ См.: The Economic Writings of Sir William Petty, C. H. Hull, ed. (New York: Augustus Kelley, 1963), p. 274.

¹⁰ См.: Lewis Mumford, The Condition of Man (New York: Harcourt, Brace & World, 1944), p. 168.

не больше интереса, чем его братья. По-видимому, все потенциальные наследники финансовой империи решили, что игра не стоит свеч.

Если не считать королей (тех из них, кто был платежеспособен) и горстки семей наподобие Фугтеров, первые капиталисты, как правило, были не опорой общества, а отвергнутыми им изгоями. Время от времени попадались предприимчивые люди, вроде святого Годрика¹¹ из Финчейла, который сначала промышлял поиском ценностей в обломках потерпевших крушение судов, заработал таким образом достаточно, чтобы стать купцом, и, сколотив приличное состояние, завершил свой жизненный путь праведным отшельником. Подобные персонажи были редки. До тех пор пока преобладала идея о земной жизни лишь как мучительной прелюдии к жизни вечной, предпринимательский дух не только не поощрялся, но и не находил достаточной поддержки. Короли нуждались в деньгах и поэтому ввязывались в войны; дворяне стремились обладать землей, а поскольку ни один уважающий себя дворянин не продал бы земли предков по собственному желанию, за землю опять-таки сражались. Но подавляющее большинство людей – сервы, деревенские ремесленники и даже цеховые мастера – просто желали прожить свою жизнь так, как жили их отцы и как, в свою очередь, будут жить их дети.

Отсутствие мотива получения выгоды как основного двигателя повседневной деятельности (а в реальности и безоговорочное осуждение этого мотива церковью) составляло важное отличие странного мира позднего Средневековья от того начавшего зарождаться за пару веков до Адама Смита мира, который вполне привычен для современного человека. Но даже это отличие не было самым важным. Тогдашние обитатели Земли не понимали, что значит «зарабатывать на жизнь». Экономическая жизнь и жизнь общественная были неразделимы. Работа еще не стала средством для достижения цели – богатства и тех благ, которые оно позволяет приобрести. Она была целью в себе – разумеется, включающей деньги и товары; люди трудились лишь постольку, поскольку так делали их деды, и считали свой образ жизни естественным. Иными словами, время для открытия такой потрясающей социальной конструкции, как «рынок», еще не наступило.

Рынки являются неотъемлемой частью истории человечества. Таблицы из Тель-эль-Амарны рассказывают об оживленной торговле между фараонами и левантийскими царями, происходившей за четырнадцать веков до нашей эры: золото и военные колесницы обменивались на рабов и скакунов. Хотя сама идея обмена стара как мир, мы, памятуя об истории концепции выгоды, не должны предполагать, будто все обитатели земного шара обладают предприимчивостью современного американского школьника. Согласно некоторым источникам, вам не стоит интересоваться у представителей новозеландских маори количеством еды, которое необходимо, чтобы выменять крючок для ловли бонито, – подобный обмен никогда не производится, а вопрос считается неприличным. Напротив, в определенных африканских племенах вопрос о цене женщины, выраженной в волах, является абсолютно приемлемым – хотя сами мы смотрим на подобную сделку не лучше, чем маори на обмен еды на крючки (впрочем, наличие приданого в некоторых культурах заметно сокращает разрыв между нами и этими африканцами).

Но рынки, будь то обмена между примитивными племенами или потрясающие воображение средневековые ярмарки, это вовсе не то же, что рыночная система. Ведь рыночная система не только и не столько способ обмена одних товаров на другие; *что гораздо более важно, она является механизмом, который обеспечивает выживание целого общества.*

Как мы увидели, устройство рыночного механизма было неведомо обитателям средневекового мира. Упоминание концепции выгоды звучало едва ли не богохульством. Более отвлече-

¹¹ См.: Henri Pirenne, *Medieval Cities* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1925), p. 120–121.

ченное замечание, что общее стремление к выгоде может способствовать сплочению общества, назвали бы безумным.

Подобная слепота была не беспочвенна. В Средние века, эпоху Ренессанса, Реформации, да и вообще вплоть до XVI или XVII века люди не могли вообразить рыночную систему в действии по той простой причине, что еще не существовали Земля, Труд и Капитал – главные факторы производства, используемые рыночной экономикой. Без сомнения, земля, труд и капитал – почва, люди и средства производства – являются неотъемлемыми атрибутами любого общества. Но сама идея абстрактной «земли» или абстрактного «труда» начала занимать умы не раньше, чем абстрактная энергия или материя. Земля, труд и капитал как безличные «агенты» в производственном процессе – концепции не менее современные, чем интегральное исчисление. И появились они лишь немногим раньше.

Возьмем землю. Еще в XIV или даже XV веке не существовало понятия земли в качестве подлежащей свободной купле-продаже собственности, приносящей доход в виде ренты. Конечно, земель в виде поместий и имений было сколько угодно, но участки не подлежали купле или продаже даже в том случае, если возникали самые выгодные расклады. Земли составляли ядро общественной жизни, служили свидетельством высокого статуса и авторитетности их владельцев, а также фундаментом для военной, юридической и административной организации общества. Хотя при определенных – и очень жестких – условиях земля могла быть продана, в общем и целом она не была товаром на продажу. Средневековому дворянину возможность продажи своих земель виделась не менее абсурдной, чем губернатору Коннектикута – мысль о продаже пары округов губернатору Род-Айленда.

Недостаточно продаваемым был и труд. Когда сегодня мы говорим о рынке труда, то подразумеваем огромное количество индивидов, предлагающих свои услуги тому, кто заплатит больше остальных. В докапиталистическом мире подобного рынка просто-напросто не существовало. Конечно, и тогда была масса выполнявших определенную работу сервов и ремесленников, но большая часть этих трудовых ресурсов не являлась предметом купли или продажи. Жизнь крестьян была неразрывно связана с поместьем их хозяина; они пекли хлеб в хозяйской печи и мололи муку на его мельнице, возделывали его угодья и служили ему на войне, но редко когда вознаграждались за свои услуги – то были их обязанности как сервов, а не свободно продаваемый «труд». В городе подмастерье поступал в обучение к мастеру, и практически всё: продолжительность обучения, число подмастерьев, количество рабочих часов и уровень платы, а также непосредственные методы работы – определялось цехом. Слуга и хозяин почти не торговались, за исключением тех редких случаев, когда условия ухудшались настолько, что провоцировали волнения. Все это походило на рынок труда ничуть не больше, чем картина, наблюдаемая при приеме медсестер на работу в больнице. С капиталом почти та же история. Безусловно, капитал как богатство отдельных лиц существовал до прихода капитализма. Свободные средства имелись – не было достаточно сильного стимула использовать их по-новому и гораздо агрессивнее. Риск и нововведения были не в почете, девиз звучал так: «Безопасность прежде всего». Способ производства, требовавший значительных трудозатрат и времени, предпочитался более быстрому и эффективному. Реклама была запрещена, и сама мысль о том, что один цеховой мастер может производить конкретный продукт качественнее, чем его коллеги, считалась предательской. Стоило массовому производству текстиля в Англии XVI века поднять свою уродливую голову, как цеха направили королю протест. В результате «чуждая мастерская», якобы состоявшая из двух сотен ткацких станков и имевшая своих мясников с пекарями, обслуживавших основную рабочую силу, была объявлена его величеством вне закона: подобная эффективность и концентрация капитала могли создать опасный прецедент.

Тот факт, что средневековый мир не породил рыночную систему, легко объясним: населявшие его люди не могли даже представить себе абстрактных элементов производственного процесса. В отсутствие земли, труда и капитала Средние века были вынуждены обходиться и

без рынка; без рынка же (оставим в стороне живописные ярмарки и базары) развитие общества определялось волей местных царьков и традициями. Производство чахло или росло в зависимости от приказов землевладельцев. Если таких приказов не было, жизнь шла в соответствии с обычаем. Живи Адам Смит в XIV веке, он вряд ли почувствовал бы необходимость создания теории политической экономии. В том, что держало средневековое общество на плаву, нет никакой загадки; внешний вид и устройство этого механизма не были тайной за семью печатями. Этика и политика? Безусловно. Очень многие аспекты отношений мелких землевладельцев и крупных, а также последних и королей могли быть изучены и объяснены. Точно так же налицо был конфликт между учением церкви и мятежными устремлениями торгового сословия. Но к чему здесь экономика? Ни к чему. Кого могли заботить абстрактные законы спроса и предложения, издержки или ценность, если абсолютно все правила функционирования мира содержались в законах о земле, принятых финансовых правилах и церковных установлениях вместе с общепринятыми обычаями того времени? Адам Смит мог стать великим моралистом позднего Средневековья, но ни в коем случае не великим экономистом – ему было бы просто нечего делать.

Экономистам было бы нечем заняться в течение еще нескольких столетий – до тех пор, пока огромный самодостаточный и самовоспроизводящийся мир не изверг из себя суетливый, неугомонный и открытый для всех мир XVIII века. Возможно, «изверг» – слишком сильное слово, потому как трансформация заняла несколько сотен лет, а не произошла в результате одного яростного толчка. Но это изменение, как бы долго оно ни протекало, не было мирной эволюцией. Бывшееся в агонии общество сотрясала революция.

Одна только коммерциализация земли, в результате которой основой претензии на участки стало не место в социальной иерархии, а готовность заплатить, не могла не подорвать крепко укоренившийся феодальный образ жизни. Вне зависимости от того, насколько жестоко они эксплуатировались своими хозяевами, превращение де-факто несвободных подмастерьев и сервов в «рабочих» означало создание класса запуганных и растерянных людей – пролетариев. Чтобы цеховые мастера стали капиталистами, нужно было преподать законы джунглей вчерашним хлебопашцам.

Ни один из описанных процессов нельзя было назвать мирным. Никто не хотел подобной коммерциализации жизни. Чтобы получить хотя бы примерное представление о силе сопротивления этим переменам, мы совершим заключительное путешествие – на сей раз во времена экономической революции.

Мы снова во Франции, на дворе 1666 год.¹²

Капиталисты ломают голову над тем, как противостоять важнейшему последствию все расширяющего свое влияние рыночного механизма – непрерывному изменению.

В какой-то момент возник вопрос, позволительно ли мастеру ткацкого цеха вносить усовершенствования в процесс производства. Вердикт был следующим: «Если ткач желает изготовить материю по своему методу, он не может немедленно начать производство, но обязан получить разрешение на использование необходимого ему количества нитей определенной длины от городских судей, которые огласят свое решение лишь после того, как выскажутся четыре старейших купца и четыре старейших ткача из его цеха». Можно только догадываться, сколько мастеров решались предложить свои улучшения.

Вскоре после того как «ткацкий вопрос» был решен, возмущение вспыхнуло в рядах производителей пуговиц; их ярость вызвал тот факт, что портные начали делать пуговицы из ткани – неслыханная наглость! Новшество, способное нанести урон давно существующей отрасли, вызвало праведный гнев властей, и изготовители тряпочных пуговиц были оштрафованы. Но для пуговичной гильдии этого было мало. Они потребовали права на обыск домов и гарде-

¹² См.: Eli Hecksher, *Mercantilism* (London: George Allen & Unwin, 1935), vol. I, p. 171.

робов, а также штрафов и даже арестов тех, кто будет уличен в ношении предосудительных изделий.

Боязнь всего новаторского и необычного охватила не только кучку насмерть перепуганных купцов. Капитал единым фронтом встал на борьбу с переменами, а на войне все средства хороши. Несколькоими годами раньше в Англии изобретателю революционного вышивального станка было не только отказано в патенте – Тайный совет настоял на уничтожении зловредной машины. Во Франции поступающий из-за границы набивной ситец угрожает благосостоянию швейной промышленности. Меры по отражению атаки приняты – гибнут около 16 тысяч человек! Только в Балансе по обвинению в торговле запрещенным ситцем семьдесят семь человек приговорены к повешению, пятьдесят восемь – к колесованию, а шестьсот тридцать один отправлен на каторжные работы, и лишь единственный счастливчик был отпущен на свободу.

Но капитал – вовсе не единственный производственный ресурс, отчаянно пытавшийся воспротивиться переходу жизни на рыночные рельсы. Ситуация с трудом еще более удручающая.

Давайте вернемся в Англию.¹³

К концу подходит XVI век – эпоха постоянного расширения английского могущества. Королева Елизавета отправляется в триумфальное путешествие по собственным владениям – но ее ждет горькое разочарование. Она восклицает: «Повсюду нищие!» Наблюдение весьма странное, ведь еще за сотню лет до того английская сельская местность в основном населялась возделывавшими свои земли крестьянами – составлявшими гордость всего королевства йоме-нами, которые принадлежали к крупнейшей в мире группе свободных, независимых и процветающих граждан. Теперь же – «Повсюду нищие!». Что произошло?

За это время возникла и приобрела заметную силу тенденция к отчуждению собственности одного человека в пользу другого, иными словами – экспроприации. Шерсть стала товаром, приносящим хорошие деньги, а для ее производства необходимы пастбища. Для расширения пастбищ проводилось огораживание общинной земли. Внезапно члены общины лишаются доступа к раскинувшимся пестрой мозаикой крошечным частным владениям (между которыми нет заборов, а границы определяются то деревцем, то валуном) и общим землям, где каждый мог пасти своих овец и добывать торф, – отныне все принадлежит владельцу поместья. На смену коллективному владению землей приходит частная собственность. Вот что записал некий Джон Хейлс в 1549 году: «...где раньше жили сорок человек, теперь все принадлежит одному лорду и пастуху его... И главный источник неприятностей – это овцы, из-за них весь люд прогнали с пастбищ, на коих раньше кормились разные животные, а теперь все овцы, одни овцы».¹⁴

Масштабы и влияние огораживания на нашу историю трудно переоценить. Бунты против него начали вспыхивать еще в середине XVI века; одно такое восстание унесло около трех с половиной тысяч жизней. В середине XVIII века этот процесс еще продолжался, а завершился он лишь столетие спустя. В 1820 году, почти через пятьдесят лет после американской революции, герцогиня Сазерлендская отобрала у 15 тысяч человек в общей сложности около 794 тысяч акров земли, завезла туда около 131 тысячи овец, а в качестве компенсаций сдала каждой из выселенных семей около двух акров самой никчемной земли.

Было бы неправильно обращать внимание лишь на повальный захват земли крупными помещиками. Истинной трагедией является то, что произошло с крестьянами. Лишенные права использовать некогда общую землю, они больше не могли зарабатывать на прокорм семьи «фермерством». Стать фабричными рабочими им было не суждено – ведь тогда еще не было никаких фабрик. В результате эти люди сформировали самый несчастный и угнетен-

¹³ См.: Paul Mantoux, *The Industrial Revolution in the XVIII Century* (New York: Harcourt, Brace, 1927), p. 196.

¹⁴ Mantoux, *op. cit.*, p. 159.

ный из всех классов – аграрный пролетариат, а в тех местностях, где рабочих мест в сельском хозяйстве недоставало, они просто-напросто становились бродягами и попрошайками, в отдельных случаях – ворами. Пришедший в ужас от повсеместного распространения нищеты английский парламент предпринимал попытки локализовать проблему: скудные пособия приковывали бедноту к конкретным приходам, а в отношении бродяг предписывалось применять телесные наказания и клеймения. Некий священник, современник Адама Смита, называл приходские дома, где содержались бедняки, «Домами ужаса».¹⁵ К сожалению, те самые меры, с помощью которых страна старалась защититься от засилья нищеты, – прикрепление людей к их приходам, – автоматически отрезали дорогу к единственному возможному решению. И дело вовсе не в том, что английский правящий класс состоял сплошь из бессердечных извергов. Просто составлявшие его люди не могли примириться с концепцией мобильной и текучей рабочей силы, которая, в соответствии с элементарными законами рынка, будет искать работу везде, где только сможет. Каждый этап коммерциализации труда, как и в случае с капиталом, наталкивался на непонимание, страх и открытое сопротивление.

В результате рыночная система, опиравшаяся на три базовых элемента – землю, труд и капитал, родилась в муках. Начавшись еще в XIII веке, они полностью прекратились лишь шесть столетий спустя. Во всей истории человечества не было менее понятой, менее принятой современниками и хуже спланированной революции. Но в любом случае движение к рынку уже нельзя было остановить. Сколь незаметно, столь и безжалостно сметались покрытые пылью веков обычаи и традиции. Шумные протесты гильдии пуговичников оказались тщетны – изготовители тряпочных пуговиц победили. Тайный совет запретил новые ткацкие станки, но уже семь десятилетий спустя ему пришлось ограничить их экспорт – настолько удачным оказалось изобретение. Сколько бы людей ни было колесовано – объем торговли ситцем лишь многократно возрастал. Вопреки отчаянным протестам старой элиты, родовые поместья дали путевку в жизнь фактору производства под названием «земля». Встреченный криками возмущения со стороны как работодателей, так и цеховых мастеров, экономический «труд» решил проблему безработных подмастерьев и лишенных своей земли крестьян.

Великая колесница нашего общества, прежде беззаботно катившаяся по колеям традиции и стабильности, вдруг оказалась оснащенной двигателем внутреннего сгорания. Сделки, сделки, сделки и выгода, выгода, выгода – именно таким оказалось новое и поразительно эффективное топливо.

Какие же силы были настолько действенными, что смогли смести старый, привычный мир и способствовали возникновению на его месте другого, куда менее желанного мира?

У перемен не было одной, объясняющей все причины. Новый уклад жизни зарождался внутри старого, словно бабочка внутри куколки, и стоило ему обрести достаточную волю к жизни, как сковывавшая его структура разлетелась на куски. Экономическая революция произошла не из-за великих событий или блистательных авантюр, ее спровоцировали не отдельные законы или отдельные, пусть даже очень влиятельные, личности. Процесс перемен был совершенно спонтанным и многосторонним одновременно.

Во-первых, в Европе начали возникать национальные политические единицы. В результате крестьянских войн и королевских завоеваний построенное на изолированном существовании раннефеодальное общество уступило свое место централизованным монархиям. Монархии пробудили национальные чувства, все более явно выражавшиеся; это, в свою очередь, означало появление пользующихся благосклонностью короля отраслей, например производства гобеленов во Франции, и создание флотов и армий, которые не могли существовать без отдельных отраслей промышленности. Бесконечные правила и регуляции, отравлявшие жизнь

¹⁵ Mantoux, *op. cit.*, p. 278.

Андреаса Риффа и других путешествующих купцов XVI столетия, были заменены государственными законами, общими системами мер и более или менее стандартизированными валютами.

Важной политической причиной революции в Европе стало поощрение властями заморских путешествий и открытий. Еще в XIII веке братья Поло отправлялись в свое дерзкое путешествие в земли великого Хана как обычные купцы – без высокого покровительства; в XVI веке пытавшийся достичь той же цели Колумб уже пользовался поддержкой королевы Изабеллы. Движение от частного к государственному мореплаванию развивалось одновременно и в тесной связи с переходом от индивидуального существования к национальному. В свою очередь великие английские, испанские и португальские мореплаватели-капиталисты привезли на родину не только несметные богатства – отныне стала осознаваться важность богатства как такового. «Золото – удивительная вещь! Кто обладает им, – писал Христофор Колумб, – тот господин всего, всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай».¹⁶ Так думали многие современники великого первооткрывателя, и это чувство заметно ускорило появление почитавшего выгоду и риск общества, главным двигателем которого была погоня за деньгами. Мимоходом стоит отметить, что сокровища Востока и впрямь поражали воображение. Денег, полученных королевой Елизаветой в обмен на финансирование путешествия сэра Фрэнсиса Дрейка на «Золотой лани», хватило на то, чтобы полностью заплатить зарубежный долг Англии и заткнуть все дыры в бюджете. Остаток был инвестирован за рубеж; если бы с тех пор на елизаветинские вложения начислялся сложный процент, то сегодня в сумме они превосходили бы зарубежные активы Великобритании по состоянию на 1930 год!

Второй крупной причиной изменений было постепенное уменьшение роли религии под влиянием скептицизма, пытливости и гуманизма, характерных для Итальянского Ренессанса. Мир Сегодня отодвинул мир Завтра на задний план, и как только земная жизнь стала более важной, повысилась и значимость материальных стандартов и простых радостей. Церковь стала более терпимой – за этим стояло зарождение протестантизма, провозглашавшего принципиально новое отношение к труду и богатству. Римско-католическая церковь всегда относилась к купцам с подозрением и не стеснялась называть ростовщичество грехом. Но как только этот самый купец начал занимать все более и более высокое положение в обществе, стоило ему перестать быть ненужным придатком старого мира и превратиться в неотъемлемую часть мира нового – стало ясно, что пришло время для переоценки его назначения. Именно отцы протестантизма прокладывали путь для объединения духовной и светской жизни в гармоничное целое. В их проповедях нет места восхвалению жизни, проведенной в нищете и духовном созерцании как противоположности земной жизни; они учили, что использование данного Богом таланта к ведению бизнеса – благое дело. Предприимчивость перешла в разряд общепризнанных добродетелей – и вовсе не из-за выгод, которые она приносит отдельному человеку, но из-за преумножения Божьего величия. Отсюда оставался один шаг до уравнения богатства с духовным совершенством и провозглашения богачей едва ли не святыми.

В фольклоре XII века встречается рассказ о ростовщике, собиравшемся венчаться; когда он входил в церковь, его раздавила упавшая статуя. Как выяснилось, статуя была изображением другого ростовщика – и Бог не одобряет подобной деятельности. Мы помним, что даже в середине XVI века несчастный Роберт Кейн вызвал гнев пуританских церковных властей именно из-за рода своих занятий. Рыночной системе было трудно дышать в атмосфере тотальной неприязни. Как следствие, необходимым условием развития рынка было постепенное признание духовными лидерами его безвредности, а потом и пользы для общества.

Еще одна причина заключалась в росте уровня жизни, в конечном итоге приведшем к возможности рыночной системы. Мы привыкли думать о Средних веках как о времени, свя-

¹⁶ Письмо с Ямайки, 1503 г. (Прим. перев.)

занном с застоём и отсутствием прогресса. И все же за пятьсот лет феодальный строй произвел на свет тысячу городов (само по себе потрясающее достижение), соединил их какими-никакими дорогами и поддерживал их население с помощью привозимого из деревень продовольствия. Все это породило привычку к деньгам, рынкам и основанному на купле-продаже образу жизни. В процессе этих изменений власть естественным образом перераспределялась, переходя от не понимавшей денег высокомерной аристократии к прекрасно разбиравшимся в денежных вопросах купцам.

Неверно думать, что прогресс заключался лишь в постепенном возрастании важности денег. Также был крайне важен прогресс технологический, причем вполне определенного рода. Коммерческая революция не могла состояться в отсутствие сколько-нибудь разумного бухгалтерского учета: хотя венецианские купцы XII века уже использовали вполне хитроумные вычислительные приборы, большинство средневековых торговцев в своем невежестве мало чем отличались от школяров. Прошло некоторое время, прежде чем необходимость учета стала повсеместной; двойная запись стала общепринятой практикой лишь в XVII веке. Ну а до тех пор, пока не появился надежный метод учета финансовых потоков, предпринимательство в крупных масштабах было невозможно.

И все же самое важное изменение с точки зрения последующей истории – это рост людского любопытства и, в результате, научного знания. И хотя во времена Адама Смита мир стал свидетелем фейерверка научных открытий, Промышленная Революция была бы невозможна без множества не столь заметных продвижений в уровне нашего знания. Еще в докапиталистическую эпоху на свет появились печатный станок, бумажная фабрика, ветряная мельница, механические часы, картография и огромное количество других изобретений. Заняла достойное место в умах людей и сама идея изобретения – впервые за всю историю экспериментирование и инновации встречали дружелюбный прием.

Действуй они отдельно друг от друга, ни одному из этих изменений самому по себе не удалось бы поставить общество с ног на голову. Иные из них могли с одинаковой вероятностью быть как причинами, так и следствиями обуревавших его потрясений. История избегает рывков, и процесс великого сдвига растянулся на долгое время. Рыночный способ организации процветал бок о бок с традиционными практиками, и остатки этого старого образа жизни не исчезли и после закрепления рынка в качестве основы экономической организации нашего общества. Так, гильдии и феодальные привилегии не были отменены во Франции вплоть до 1790 года, а английский Статут ремесленников, регулировавший деятельность цехов, просуществовал до 1813-го.

Но уже к 1700 году – за двадцать три года до рождения Адама Смита – тот мир, что осуждал Роберта Кейна, запрещал купцам носить неприглядные узлы, заботился о «справедливости» цен и боролся за преемственность в профессиях отца и сына, находился в глубоком упадке. Теперь общество отдало себя во власть принципиально нового набора «самоочевидных» максим. Среди них были и такие:

«Каждый человек от природы алчен и жаждет прибыли».

«Никакой закон не может запрещать выгоду».

«Выгода находится в Центре Коммерческого Круга».¹⁷

В обиход вошла концепция «человека экономического» – безвольного существа, беспрекословно подчинявшегося скрытой в его мозгу вычислительной машине. Очень скоро учебники наполнились рассказами о попавшем на необитаемый остров Робинзоне Крузо, расчетливости которого могли бы позавидовать иные бухгалтеры.

¹⁷ Hecksher, op. cit., p. 301.

Новый, деловой европейский мир оказался охваченным лихорадкой обогащения и спекуляции. Шотландский авантюрист Джон Ло¹⁸ пустился в очередное безумное приключение, основав в 1718 году во Франции Миссисипскую компанию: он продавал акции предприятия, собиравшегося разрабатывать золотые рудники в Америке. На улицах мужчины и женщины сражались за право получить долю в компании, совершались убийства, состояния сколачивались за ночь. Кто-то из гостиничной прислуги заработал тридцать миллионов ливров. В тот момент, когда компания была готова обанкротиться с ужасными последствиями для инвесторов, власти решили отдалить катастрофу, причем довольно интересным способом. Они наняли тысячу бродяг, вооружили их кирками и лопатами и заставили промаршировать по улицам Парижа, изображая отправляющихся в Эльдorado старателей. Разумеется, в конце концов компания разорилась. Но насколько поразительны произошедшие изменения! Как велико отличие алчущей быстрого обогащения толпы на рю де Кенкампуа от робких капиталистов столетней давности; желание публики получить побольше денег должно быть крайне острым, чтобы она попала на такую примитивную удочку!

Сомнений не оставалось – после долгих мучений рыночная система наконец явилась-таки на свет. Отныне решение проблемы выживания заключалось не в следовании традициям или приказам, но в свободной деятельности ищущих выгоды людей, связанных исключительно рыночными отношениями. Новая система получила название «капитализм» – трудно поверить, но это слово не было широко распространено до конца XIX века! А лежавшая в основе системы идея выгоды так твердо укоренилась в сознании людей, что уже скоро многие будут утверждать, что это вечная и вездесущая часть нашей природы.

Идея нуждалась в собственной философии.

Человек, часто говорят нам, отличается от всех других живых существ своей сознательностью. По-видимому, следует понимать, что нам недостаточно создать общество и жить в нем; человек обязательно старается убедить себя, что обитает в лучшем из всех возможных обществ, а сложившиеся внутри него правила хотя бы частично отражают правила, установленные Провидением. Как следствие, каждая эпоха рождает своих философов, апологетов, критиков и реформаторов.

Вопросы, озадачивавшие первых социальных философов, относились скорее к политической, чем к экономической стороне нашей жизни. Все то время, пока миром правили традиция и тирания, проблемы бедности и богатства вряд ли волновали умы мудрецов; в порядке исключения по этому поводу можно было лишь вздохнуть или в очередной раз возмутиться внутренней бессмысленностью человека. Раз большинство людей, подобно трутням в пчелиной семье, рождалось, чтобы провести жизнь в бедности, никто и не интересовался тем, как они существуют, причуды королей были гораздо более увлекательным предметом для изучения.

«Уже непосредственно с момента самого рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие к властвованию», – сказал Аристотель,¹⁹ и в основе его замечания лежит не презрение, а безразличие, с которым ранние философы смотрели на будничную жизнь. Существование огромного рабочего класса воспринималось как должное, деньги же и рынки были не только слишком грязными, но и слишком плебейскими темами, чтобы претендовать на внимание джентльмена и ученого. Права королей, как дарованные свыше, так и иные, а также важнейшая проблема власти преходящей в противовес власти духовной – вот что занимало тогдашние умы, но никак не притязания нахальных купцов. Хотя богатство отдельных людей играло свою роль в жизни нашего мира, потребность в философии богатства появилась лишь после того, как борьба за него стала повсеместной и просто-напросто необходимой для существования общества.

¹⁸ См.: Beard, *op. cit.*, p. 416–419.

¹⁹ Аристотель. Политика. Цит. по: Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. (Прим. перев.)

Игнорировать тот факт, что рынок поощряет довольно неприятную борьбу, можно было лишь до поры до времени; в какой-то момент он вызвал праведное возмущение окружающих. Когда борьба наконец доползла до святая святых философии, разумнее всего было попытаться воспользоваться накопленным опытом и проследить некую объединявшую все происходившее логику. Именно эту задачу решали философы, в течение двух веков до Адама Смита предлагавшие свои теории повседневной жизни.

Стараясь открыть двигавшие миром силы, они рисовали его портреты, и из них вышла бы престранная галерея!

Вначале наиглавнейшей целью и средством в борьбе за существование объявили накопление золота. Христофор Колумб, Кортес и Фрэнсис Дрейк были не просто путешественниками на службе у государства – они находились в авангарде *экономического прогресса*. Меркантилистам – группе авторов, писавших о торговле, – казалось очевидным, что естественная цель всех экономических устремлений – могущество страны, а главный ингредиент национального могущества – как раз таки золото. Центральное место в их философии, разумеется, отводилось великим армадам и рискованным предприятиям, сокровищам королей и скупости народа, а превыше всего почиталось убеждение в том, что преуспевающая в поисках сокровищ страна обречена на процветание.

Можно ли обнаружить объединяющую эти идеи концепцию? Здесь мы впервые сталкиваемся с упомянутым в конце предисловия взглядом, в соответствии с которым «картины мира» предшествуют реальному ходу событий и предопределяют его. Одну из таких картин можно увидеть на фронтисписе опубликованного в 1651 году «Левиафана» – оказавшего заметное влияние на последующее развитие мысли трактата английского философа и политического мыслителя Томаса Гоббса. На гравюре изображена огромная фигура, возвышающаяся над безмятежной сельской местностью и словно охраняющая ее. Очевидно, перед нами монарх: в одной руке у него меч, в другой – скипетр. Если приглядеться внимательнее, оказывается, что его кольчуга сшита из человеческих голов.

Стоит заметить, что картина охватывает политическую сторону нашей жизни, а вовсе не экономическую. Главная мысль «Левиафана» – и самого Гоббса – такова: всемогущее государство необходимо, чтобы уберечь людей от «одинокого, бедного, мерзкого, жестокого и короткого существования». ²⁰ Хотя коммерческая деятельность имела довольно большое значение, она могла как поддерживать государство, так и расшатывать его устои. Следовательно, несмотря на их искреннюю заинтересованность в накоплении золотых слитков, все монархии опасались, как бы торговые суда не отвезли заветный металл в другие страны, где он будет потрачен на шелка и прочую роскошь в ущерб государственной казне.

И все-таки даже такое мировоззрение служит основой для попыток проведения того, что мы бы назвали экономическим анализом. Еще до появления «Левиафана» защитники интересов делового мира публиковали множество очерков, стараясь доказать, что ходившие по Темзе корабли были выгодны для суверена и при этом не представляли для него никакой опасности. Да, часть вывозимого ими золота вполне могла быть израсходована на заграничные продукты, но они везли и британские товары, за которые выручали еще больше золота. Как писал на страницах своего очерка «Богатство Англии во внешней торговле» директор Ост-Индской компании Томас Мен, «обыкновенным способом» увеличения богатства и наполнения казны страны была торговля, «причем мы должны неукоснительно следить за соблюдением одного правила: каждый год необходимо продавать чужестранцам больше, чем мы потребляем». ²¹

²⁰ Thomas Hobbes, *Leviathan* (Oxford University Press, 1967), p. 41, 97.

²¹ См.: R. Heilbroner, *Teachings on the Worldly Philosophy*. W. W. Norton, N. Y., p. 24–28.

К XVIII веку эта сосредоточенность на золоте стала выглядеть откровенно наивной. Возникающие одна за другой школы мысли основным источником жизнеспособности страны называли *торговую деятельность*. А значит, их внимание уже не привлекал вопрос об извлечении наибольшей выгоды из рынка золота. Теперь они размышляли над тем, как поспособствовать формирующемуся классу торговцев в достижении их целей, ведь только это в конечном счете и приводило к росту богатства всего народа.

Новая философия принесла и новую проблему: бедняки должны были по-прежнему жить в нищете. Почти все сходились во мнении, что стоит нищим перестать быть таковыми, как они вполне могут отказаться выполнять свои рабочие обязанности без существенного повышения в вознаграждении за труд. «Для счастья общества... необходимо, чтобы большая его часть пребывала в невежестве и нищете», – писал Бернард Мандевиль,²² самый чудной и вместе с тем самый проницательный комментатор общественной жизни начала XVIII века. Разумеется, глядя на дешевизну труда в английском сельском хозяйстве и промышленности, авторы-меркантилисты одобрительно кивали головой.

Конечно, золото и торговля, а также связанные с ними идеи повелевали течением нашей внешне хаотичной жизни не в одиночку. Бесчисленные памфлетисты, священники, критиканы и фанатики силились предоставить доводы в поддержку такого общественного устройства или же в его безоговорочное осуждение, причем каждый – свои. К их вящему сожалению, мало кто в этом преуспел. Один утверждал, что страна, безусловно, не может покупать больше, чем она продает, другой же с не меньшей уверенностью настаивал на том, что народ лишь выигрывает, если потребляет больше, чем предоставляет взамен. Часть авторов считала, что именно торговля порождает богатство, и превозносила достоинства купца; многие были убеждены, что торговля – лишь паразитический нарост на здоровом теле фермера. Кто-то утверждал, что бедные являются таковыми по воле Божьей, но даже если это и не так, то их бедность в любом случае составляет основу для процветания всего народа. Им возражали: нищета – болезнь общества и она никоим образом не может способствовать богатству.

Все эти взгляды противоречили друг другу и составляли весьма запутанную картину, но одно было очевидно: человек нуждался в упорядоченном истолковании мира, в котором он обитал. Жестокий и пугающий, экономический мир на глазах обретал все большее значение. Неудивительно, что сам Сэмюэл Джонсон замечал: «Ничто так не заслуживает внимания философов, как вопросы торговли». Наконец все было готово для выхода на сцену экономистов.

Среди какофонии различных мнений можно было различить голос поистине необыкновенного масштаба. В 1776 году Адам Смит опубликовал свое «Исследование о природе и причинах богатства народов», таким образом доведя счет произошедших в том году революционных событий до двух. На одной стороне океана родилась политическая демократия, другая же стала свидетельницей появления на свет экономики. Но если Европа не спешила следовать примеру Америки, то уже очень скоро после написания первого портрета современного общества весь западный мир без изъятий стал миром Адама Смита. Многие поколения смотрели на окружающую действительность через очки, изготовленные по выписанному им рецепту. Сам Смит не считал себя революционером – он всего лишь изложил то, что представлялось ему очевидным, разумным и даже умеренным. Так или иначе, именно ему было суждено подарить населению Земли образ, в котором оно так нуждалось. Прочитав «Богатство народов», люди начали смотреть вокруг другими глазами. Теперь они видели, как выполняемые ими задания встраиваются в общую картину и как все общество семимильными шагами приближается к отдаленной, но совершенно осязаемой цели. Одним словом, на свет появилось новое мировосприятие.

²² Bernard Mandeville, *The Fable of the Bees* (Oxford: Clarendon Press, 1966), p. 287, 288.

Глава 2

Чудесный мир Адама Смита

О каком мировосприятии идет речь? Как можно догадаться, оно опиралось не на Государство, а на Систему, если точнее – Систему совершенной свободы. Но было бы неразумно погружаться в тонкости этой удивительной интеллектуальной конструкции прежде, чем мы познакомимся с ее странным, а лучше сказать потрясающим, автором.

Путешественник, ступивший на английскую землю в 1760-х годах, по всей вероятности, очень скоро узнал бы о некоем Адаме Смите²³ из университета Глазго. Доктор Смит слыл если не знаменитостью, то уж точно довольно известным человеком. Его имя было знакомо Вольтеру, он близко дружил с Юмом, а желающие послушать его запутанные, но увлекательные лекции находились даже в России. Доктор Смит прославился как ученый, но не меньший интерес у окружающих вызывала его личность. Рассказы о его рассеянности передавались из уст в уста. Так, однажды он, захваченный дискуссией с другом, упал в дубильную яму, а в другой раз перемешал в кружке хлеб с маслом, после чего объявил, что худшего чая он отродясь не пробовал. Но даже многочисленные причуды не могли затмить его интеллектуальной мощи. Адам Смит был одним из выдающихся философов своего времени.

В Глазго он читал курс лекций по нравственной философии, включавшей в себя несравнимо больше, чем в наши дни. Она покрывала натуральную теологию, этику, юриспруденцию и политическую экономию. Таким образом, в поле ее зрения попадало все, от тончайших позывов человека к порядку и гармонии до его куда менее упорядоченных и гармоничных попыток заработать на кусок хлеба.

²³ См.: John Rae, *Life of Adam Smith* (1895) (New York: Augustus Kelley, 1965); Dugald Stewart, *Biographical Memoir of Adam Smith* (1793) (New York: Augustus Kelley, 1966); William Scott, *Adam Smith as Student and Professor* (Glasgow; Jackson, Son & Co., 1937).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.